

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Противоречия цивилизационного развития. Особенности
текущего этапа». Стенограмма
(04.04.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор;

А.А. Золотарев – исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте, советник Президента Вольного экономического общества России, к.э.н.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Первый вопрос, который я хотел бы поставить, является продолжением ключевых выводов Ваших, Сергей Дмитриевич, размышлений в книге «Ноономика», в видеоматериалах, которые Вы представляете, в статьях – это вывод о том, что человечество стоит на перепутье, что появилась развилка и что существует угроза глобальной катастрофы, которая может изменить все наше понимание экономики, соотношения экономики и общества, ценности человека и так далее. Я практически цитирую то, что сформулировано в Вашей книге. Это было сказано за несколько лет до разразившейся нынешней пандемии и развито в книге, которая вышла в 2018 году, то есть за год с небольшим до возникновения всех тех проблем, которые сегодня на нас свалились. Кстати, этот разговор идет как раз в разгар пандемии. Сергей Дмитриевич, может быть, первый вопрос давайте мы чуть-чуть подробнее раскроем – как именно формулируется этот вывод, почему развилка все-таки появилась, откуда она взялась?

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Если говорить о сегодняшней ситуации, она в общем-то достаточно хорошо и четко ложится в те самые (я не применю слово такое, не буду говорить: «некое предвидение ситуации») рассуждения и размышления, которые вытекают из представления о развитии, трансформации общества по пути к ноономике и к ноообществу.

Что я имею в виду? Я имею в виду, что всякое новое состояние общества – оно, по моему представлению, всякий раз вытекало из изменения материальных условий существования людей. Изменения материальных условий – в том числе за счет того, что человек все большее количество знаний применял для того, чтобы добывать себе хлеб насущный и удовлетворять свои потребности, которые также росли.

Соответственно, в какой-то момент, когда объем этих знаний, имплементированных в материальное производство, в частности, сиречь – в технологии, навыки трудовые и в организацию материального производства, и во многие другие параметры производства, которые вели, ложились в основу наступавшего индустриального взрыва в будущем, развития индустриального способа для производства, эти изменения привели в какой-то момент к накоплению таких качественных изменений во всех этих компонентах, что в целом это становилось предвестником перехода к новому состоянию материального производства, которое не могло не отразиться на состоянии общества. Соответственно, состояние общества тоже становилось иным. Я могу сказать, что я не исследовал специальным образом исторические закономерности, сопоставляя периоды переходов, изменения факторов общественного сознания или общественного устройства, с одной стороны, и изменения типов производства (впрямую) – с другой; не накладывал их на историческую канву, то есть на войны, усиления конфликтов и так далее. Это – связанные вещи, я полагаю, и я просто четко понимаю, что такие параллели можно взять и найти. Другое дело, что они будут подбросаны «по времени», и не всегда будут абсолютно соответствовать переходам к новым формациям, если говорить марксистским термином, и они не очень-то строго разделены во времени – типа того, что вот в таком-то году произошла такая-то социальная революция, потому что в это же время произошла промышленная революция. Но в то

же время, конечно, если мы внимательно и тщательно все это проанализируем, мы будем видеть, что всякий «переход» такого рода в материальном производстве вызывал конфликт – и не только между старым и новым производством, а – и социальный. Или резкое усиление противоречий, как минимум. Почему? Почему так отражался на общественном устройстве конфликт, который зарождался в сфере материального производства?

Кстати, подтверждений в истории масса. Вспомним, к примеру говоря, «взаимоотношения» машинного производства и ручного ремесла в Англии, породившее движение луддитов, в частности, а в более общем плане – новый, более развитый буржуазный социальный строй.

Можно сказать, что конфликт происходит на переходах всегда, старое всегда конфликтует с новым, новое рождается в конфликте со старым, и это очень важный момент.

Как это отражается на общественных отношениях, как это отражается на историческом процессе? Здесь – то же самое. Это отражается путем, знаете, проблем отцов и детей, если говорить на уровне поколений или на уровне ячеек общества, семей и прочее; это – конфликт классов, или страт общества, если в общественных отношениях рассмотреть; это – конфликт технологий, замена одних другими, это – множественные иные конфликты, которые собой, знаете, «окаймляют» такой перелом, переход. Потом, после бурного этапа перехода, разрешенный конфликт позволяет перевести развитие в более плавную фазу, становится все более-менее спокойно, «устаканивается», успокаивается, когда возникает и новый уклад, и новая жизнь социально-экономической системы. Технологический уклад радикально влияет, т.о., и на формирование общественного уклада, поэтому, когда «уложилось» все (от слова «лад», укладывать, уложить, складывать, уложение делать некое!), тогда устанавливается более-менее спокойный, менее турбулентный, менее пассионарный период развития.

Но накопление изменений, очередное их накопление, приводит к очередному переходу в новое состояние любую систему, и общественно-экономическую систему – в частности. И цивилизационная система становится «шире». Это порождает дальнейшие новые конфликты. При этом нужно четко понимать, что средства, которыми

конфликты разрешаются или ведутся, – эти средства зависят также от материального состояния общества и от сознания людей.

И вот здесь – важный момент. Если сознание «не догоняет», что называется, а материальные условия по своим возможностям возрастают, то конфликты становятся все более жесткими и кровопролитными. Это очень важно понять – чем более «продвинут» человек технологически, тем больше у него знаний, которые можно применить для разрушения в процессе конфликта. Это и есть та особенность нынешнего исторического момента – текущее состояние уровня технологий сегодня, в отличие от прошлых этапов развития, в случае нерационального разрешения конфликтов чревато глобальной катастрофой.

Почему? Потому что сегодняшняя ситуация – это переход к новому, шестому технологическому укладу. Эта ситуация, конечно, чревата конфликтом технологий, и она уже проявляется: старые технологии не выдерживают конкуренции, они уходят, но они уходят с войной, с борьбой и так далее, с банкротством предприятий, со многими другими материальными и экономическими конфликтами. Дальше, однако, мы видим проявления «конфликта осознания» перехода к новой реальности у людей; мы наблюдаем конфликт в сфере общественных отношений, в частности, идет пересмотр принципов этих отношений, ценностных параметров и т. п. – смотрите, например, изменения в отношении к собственности, к институтам и так далее, и это тоже происходит не без конфликта; более того, видится уже назревающий глобальный конфликт между тем строем, который порожден был экономическим обществом, дошедшим до состояния современного, я бы сказал глобального, развитого капитализма (можно так, наверное, назвать его), с тем обществом, которое будет формироваться далее, которое еще в зародыше и начинает формироваться на волне использования достижений нового технологического уклада. Мы называем его новым индустриальным обществом второго поколения, развитие которого предполагает последующий переход в ноостадии. Но старый мир, как говорится, не собирается сдаваться, он собирается воевать, бороться за себя – так же, как и во все века во всем историческом процессе.

Но он пользуется, однако, тем инструментарием, который уже наработан технологическим прогрессом – соответственно,

инструментарий у него уже более мощный, существенно более мощный, это инструментарий нового техуклада. Это – инструменты, связанные с различными направлениями технологического развития – от владения сверхмощными энергетическими ресурсами, ядерным оружием, в частности, процессами микромира и прочими, до химических, биологических, генетических и каких угодно других технологий. Это – информационные технологии, это – технологии виртуального мира, это многие другие технологии, финансовые технологии, которые могут свергнуть противника, что называется, наземь. Соответственно, эта борьба может привести уже сегодня в этой ситуации к катастрофическим последствиям, потому что уровень этих технологий таков, что можно снести все живое – именно всё, я имею в виду, что может уничтожить и самих инициаторов этого процесса.

Эта нынешняя ситуация с коронавирусом, возможно, тоже из этого ряда – мы не знаем, каким образом этот коронавирус возник, пока твердых каких-то установок нет. Есть разные версии, откуда он возник, но и не исключена версия, что он возник в порядке технологического развития – либо как спецоружие, либо как вырвавшийся из-под контроля конструкт, либо как некая мутация, не отслеженная своевременно учеными. Ведь работают в этом направлении научные лаборатории по всему миру. Так или иначе – все сводится к экспериментам с генами, с мутацией, с вирусом и многими другими вещами. Если это так, то мы видим, что тут может быть два варианта: умышленное использование или неумышленное использование ситуации, но и то и другое приводит к одинаково катастрофическому результату. На сегодняшний день, для того чтобы не допустить этого, необходимо соответствующее развитие критериальной базы, базы знаний и установок для рационального поведения людей, элементов «ноповедения» – то, чего не хватает, то, в чем мы, люди, человечество, сегодня отстаем.

Здесь как раз и складывается основа грядущего конфликта, потому что мы не готовы к разрешению противоречия на бесконфликтной основе, мировое глобальное общество в целом не готово осознать угрозу и приступить к рациональному разрешению конфликта – несмотря на то, что иное невозможно, поскольку, как я сказал выше, с учетом сегодняшних возможностей это

глобально катастрофично. И эта неготовность видна на сегодняшний момент хотя бы по тому, как мы, мир в целом, воспринимаем, к примеру, текущую ситуацию. Наша страна, условно говоря, призывает всех объединиться в борьбе с коронавирусом, снять санкции и искусственные риски, создать «зеленые коридоры» хотя бы по тем направлениям, которые помогут в борьбе с этой эпидемией. В то же время, условно говоря, в Соединенных Штатах, в других некоторых странах, в Европе считают, что никаких санкций снимать не надо, там, наоборот, полагают, что необходимо мощно защищаться от нового, от других «влияний», т. е. фактически усиливать негативные стороны, те, которые сегодня используются. Они на этой волне рассчитывают получить дополнительные преимущества для сохранения своего статуса, для сохранения своего пути развития и так далее.

Так что – эта ситуация прямо говорит о чем? О том, что некоего понимания продвижения в общественном сознании ноупринципов пока мы не видим в той мере, в какой бы это было необходимо для рационального разрешения возникающих напряжений. Отсюда – следствие: мы рискуем очень многим, мы рискуем либо использовать в неразумных целях наши возможности в той же вирусологии, условно говоря, либо мы не можем объединить усилия для того, чтобы побороть вырывающийся из человеческих рук результат той же вирусологии. Собственно говоря, почему конфликт, откуда его корни и почему мы должны уделить особое внимание этой культурологической, воспитательной стороне процесса, этим знаниям? Необходимо осознать этот уровень, это сегодня очень большая проблема, она, собственно, и является основой того конфликта, который есть, и фактически этот конфликт нужно перевести на язык конфликта между стремительно развивающимся знанием, врывающимся в нашу жизнь через технологии, стремительно развивающимся технологическим миром – и недостатком в освоении (глобальном освоении и глобальном применении!) знаний человеком в сфере общекультурных и общечеловеческих ценностей.

АВБ. Этот очень важный аспект именно сейчас Вы сформулировали в конце фразы: этот конфликт между стремительным развитием технологий и мира знаний, с одной стороны, и недос-

татком культуры и ценностей, адекватных для того, чтобы дать солидарный ответ на эти вызовы, – с другой стороны.

СДБ. Знаете, это было всегда. Но чем отличается нынешний момент от вчерашних моментов? Тем, именно тем, еще раз подчеркну, что в нынешний момент возможности технологические во многом многократно больше, чем человек себе сейчас может, условно говоря, позволить при своем нынешнем уровне культуры. Это и есть риск нерационального разрешения нынешнего конфликта, то есть этот риск гораздо больше, чем когда бы то ни было. Почему я называю это возможностью катастрофического развития событий? Потому что если раньше глобального катастрофического развития событий, вообще говоря, нельзя было ожидать – да, были войны, были крупные войны, были глобальные крупные конфликты мировые, XX век прошел в мировых войнах фактически, то мировая война Первая, то Вторая, то холодная война, торговые мировые войны, сейчас продолжается мировая информационная война, гибридная война фактически и так далее, – эти войны, они сопровождали конфликты интересов, это внешняя сторона этих конфликтов, и они сопровождали всю человеческую историю, но они не могли привести к глобальной гибели человечества до момента, пока люди не получили в руки огромное количество, огромное накопленное количество, в частности, ядерного оружия и каких-то других технологий, которые уже позволили человеку быть способным уничтожить самого себя.

С этого момента, когда мы это получили в руки, риски стали глобальными; а сейчас эти технологические возможности еще более и более усиливаются, потому что к этой ситуации добавляются информационные технологии, к этой ситуации добавляются и риски различные информационные, добавляется искусственный интеллект и риски соответствующие, добавляются когнитивные технологии, добавляются космические технологии, глобального контроля, транслирования объектов сверхскоростного, гиперзвук и так далее. Все эти вещи усиливают возможность воздействия человека на состояние общества, природы, на самого себя, на себе подобных таким образом, что можно не удерживать в руках эту технологию или применение ее рациональное – и получить проблему. Если, допустим, условно говоря, представить себе, что некая страна, назовем ее страна Ю, избрела коронавирус, запустила в стра-

ну, условно назовем ее К, и полагает, что экономика страны К будет разрушена, и в результате страна Ю получит некие глобальные преимущества, сохранит свое лидерство так называемое и так далее, то мы сегодня видим, что та же самая страна Ю получила отдачу, как выстрелившее ружье ударило хозяина. И сегодня уже страна Ю становится лидером по коронавирусу, и так далее. Я не называю конкретных стран, я просто привожу пример.

Представим себе, что, если, к примеру, на самом деле нечто подобное сотворила эта страна Ю, то это – как предупреждение всем, кто на сегодняшний день готов к такому конфликту, что конфликт может закончиться общим взаимоуничтожением или огромной проблемой для всех, отбрасыванием исторического развития на далекие-далекие годы назад. Так что это и есть то самое, о чем мы говорим, когда рассматриваем в концепции нономики возможности глобального конфликта.

АВБ. Да, это очень важные моменты, и мне кажется: то, что Вы сформулировали, – именно модель, почему возникает эта проблема в контексте противоречий между технологическим развитием, с одной стороны, и общественным отношением и осознанием всего этого процесса – с другой стороны. И она оказалась как раз очень, я не знаю, вовремя сформулирована – накануне тех проблем, которые обнажили именно этот конфликт. Сейчас он становится действительно очевиден.

Есть еще одна сторона этой медали – это концепция нономики как модель, которая показывает возможный путь выхода из этого конфликта или из этой ловушки. Тот позитивный сценарий, который Вы предлагаете у себя в книге, – насколько он применим сейчас в контексте пандемии, в контексте несогласованности во многих случаях мировых действий и весьма противоречивой ситуации внутри большинства стран?

СДБ. Я могу сказать, что всякая теория проверяется практикой. Если говорить о практическом классическом случае реализации такой возможности, который дает нономика или любая другая социальная платформа, – она всегда проверяется теми вещами, которые мы либо уже имеем, либо видим, наблюдаем как некую тенденцию в процессе развития. В данном случае мы имеем, если говорить о нономике, и то и другое: она построена пол-

ностью и на исторических фактах цивилизационного движения, и на реальных тенденциях этого движения.

Если мы говорим о той ситуации, которая сегодня есть, то мы можем видеть, как реальные события «укладываются» в рамки концепции. Они подтверждают ее положения. При этом вообще-то сама ноономика писалась не для того, чтобы описать будущее или дать один из сценариев. Как концепция, она предполагает на самом деле подсказку по поводу того, каковы тенденции и цели развития. И далее, если мы видим некую цель, и цель эта – вполне в критериальной нашей базе нас устраивающая, то концепция ноономики позволяет увидеть и некие пути достижения этой цели.

Я могу сказать, что поскольку это все писалось раньше, то понятно, что те вещи, которые были прописаны в этих материалах, документально практически подтверждены уже на протяжении по крайней мере тех 5-7 лет с момента, когда были написаны первые опусы по поводу ноономики. Я первый раз о ноономике писал в 2011-м году, если мне память не изменяет, либо в 2009-м даже. То есть тогда это получается больше 10 лет назад. Но тогда это были краткие такие тезисы, которые я не сильно широко обнародовал, а в виде книг это уже было написано позже. Но я могу просто наблюдать, что за эти примерно 8-10 лет (по крайней мере – за последние 5 лет, когда уже были написаны мои книги) происходят процессы, которые в полной мере подтверждают те моменты, которые легли в основу нашей теории ноономики. Невозможно было, к примеру, конкретно предсказать, что будет конфликт, например, на Украине, но то, что идет обострение международных отношений, что обострение идет в сфере экономической, что обострение идет в сфере ценностных установок и так далее, что это обострение сопровождается и военными какими-то дополнительными маневрами, что называется, и какими-то не просто маневрами, а и жизнями людей, это четко и ясно вытекало из всей нашей концепции.

Это продолжается, это усиливается и никак не меняется.

Теперь касательно Вашего вопроса – меняется ли мир с этим нынешним конфликтом, с нынешней ситуацией, с пандемией и так далее. Не особенно меняется, во всяком случае – внешне не сразу и не очень заметно. Хотя меняется, конечно, да, я могу сказать, что какие-то аспекты будут усиливать продвижение в

сторону ноономики – в частности, технологические аспекты, переход в онлайн-жизнь массово, а это повлечет и изменения в экономических нюансах, в нюансах отношений разнообразных, в нюансах (пока, пока – в мало вроде бы заметных!) работы институтов. Это – как раз очередное подтверждение, это – то, что было нами неоднократно упомянуто, неоднократно писалось как некий тренд, который будет развиваться в обществе. Он развивается, в том числе – сейчас, более интенсивно вследствие конфликта этого биологического, в который мы попали с природой. Соответственно, меняются, и далее меняться будут и другие вещи. В частности, мы смотрим, как онлайн-жизнь переходит, например, условно говоря, в наши институты. Мы сдаем в налоговую инспекцию документы, налоговая инспекция раньше требовала подписи разнообразные и так далее, а сейчас она этого не требует, сейчас есть другие способы верификации. Видите, сразу резкое развитие не только онлайн- и коммуникативных связей, но и, например, технологий доверия, и не только технологий доверия, но и доверия в обществе тоже в какой-то мере, на определенных этапах. Почему? Вынужденно, с одной стороны. Потому что те вещи, продукты, лекарства, которые старикам и «самоизолированным» привозят, под двери ставят, а они должны заплатить, они традиционным способом оплатить не могут. С другой – есть технология позволяющая расплатиться, но по-другому. И они платят потом или когда-нибудь, и никто не спрашивает документов каких-то подтверждающих и прочее, удостоверившись только тем, что человек подтвердил, что это он. Это уже говорит о некоторых сдвигах в сознании людей, что такие моменты возможны, что такие моменты развиваются. Чем глубже такого рода конфликт, тем больше потребность в таких вещах, и она, эта потребность, будет удовлетворяться за счет развития этой сферы знания, осознания человеком своих человеческих ценностей, своих человеческих особенностей, именно человеческой стороны дела. На самом деле есть такого рода изменения.

Приведут ли они к глобальным изменениям? Я думаю, что не сразу, но это – определенный шаг, ускоряющий движение в сторону развития ноопринципов, развития «разумности» нашей жизни.

Александр Анатольевич Золотарев (ААЗ). Но как скоро можно видеть осязаемо эти изменения? Больше того, будут ли происходить эти изменения постепенно и по-разному в разных областях (географических, геоэкономических и т. п.), в разных частях глобальной цивилизации или будут идти «параллельно», одновременно?

СДБ. Нет, это, конечно, безусловно, не даст сразу какого-то выхода из конфликта, не даст сразу какого-то разрешения и нас не переведет быстро в другое состояние. Потому что, во-первых, мы технологически глобально не готовы, готовы лишь отдельные страты общества, отдельные страны, отдельные зоны экономического развития. Если говорить терминами мир-системы, то готовы – в какой-то мере, в значительной мере – Западная Европа, может быть – какая-то североамериканская зона, может быть – в какой-то мере – Китай готов (технологически скорее), или – не готов, но продвинутый; а другие части мира – нет, пока не готовы. Но движение, однако, должно быть более-менее общее, оно не должно быть разнонаправленным движением, когда одна страна уже в одном состоянии, другая – еще в другом, как это было ранее.

Это – еще одна важнейшая особенность нынешнего перехода, потому что если раньше можно было так, что некие страны перешли (Англия, там) в капитализм, а Индия находилась в феодализме, то это служило основой для закабаления Индии более передовыми по технологиям и по, соответственно, способу жизни в обществе, способу организации общественной жизни британцами – то грядущий переход, если он состоится, возможен только всем человечеством. Сейчас, в нынешних реалиях, если мы не свернем с этого пути, на самом деле современное «закабаление» тоже не невозможно, сейчас, конечно, может быть закабаление некое на новой технологической и институциональной основе. Это мы говорим о том, что есть структуры мировые, МВФ и прочие, однако есть шанс: они все, эти инструменты, с постепенным редуцированием роли капитала (в соответствии с концепцией ноономики), с «уходом» капитала, не будут уже в настолько эффективны и действенны, как те инструменты, которые были в XIX-XX веках, когда основным инструментом были канонерки, которые приезжали и у туземцев отбирали все, что угодно. Сейчас такое невозможно, капитал ищет другие, более изощренные

формы вести «политику канонерок», прикрываясь ложно представляемыми ценностями (где-то – демократией, где-то – глобальными ценностями, где-то – либеральным контекстом и т. п.).

ААЗ: То есть пока происходит неравномерное движение с мощными попытками мирового капитала продолжать традиционную политику, используя новые технологические и институциональные инструменты. Но тогда, может быть, надо посмотреть на возможность продвижения к новому устройству тоже неравномерно, и пусть лидеры технологического развития станут первыми, кто войдет в НИО.2?

СДБ. Тут я вынужден напомнить, что попытку «построить коммунизм в отдельно взятой стране» мир уже видел на примере СССР. Если внимательно отнесемся к истории этого вопроса, то мы вспомним, что в первых документах наших марксистов стояла цель всеобщего перехода к новому строю, мировой революции и т.п. Однако потом, осознав реальность, они приняли совершенно противоположный тезис – как раз о возможности построения нового общественного устройства в отдельно взятой стране. Жизнь показала, что это нереализуемо, если иметь в виду именно тот тип общества, который базируется на нооценностях и ноокритериальной базе на общественном устройстве. Если мы хотим продвигаться к такому очередному этапу развития общества, а мы вынуждены будем это делать рано или поздно, то двигаться надо будет всем вместе. Поэтому впереди – еще длительный этап, насыщение глобально общественных потребностей товарами, продуктами и так далее. Это – очень сложный и конфликтный период, который будет сопровождать нас, я думаю, ближайшие десятки лет, а может быть, и больше, в зависимости от темпов развития технологического и, соответственно, от темпов развития, я бы сказал, социального сознания, такой термин будет тут применим, говоря вообще о той области сознания, которая касается взаимоотношений человеческих.

ААЗ. Это как-то даже коррелируется с большевистскими представлениями о том, что по мере «продвижения к коммунизму» классовая борьба будет обостряться...

СДБ. На том историческом этапе так оно и было, и по-иному и быть-то не могло. Это вытекало из того же представления, о чем мы уже говорили сегодня – а) всегда есть конфликт

старого с новым, б) новый уклад всегда дает бо'льшие технологические возможности для более драматичного разрешения конфликта; в) при этом общественное сознание (общечеловеческая культура, коды жизненных установок) недостаточно развито не только для того, чтобы бесконфликтно разрешать противоречия, но хотя бы для того, чтобы не пользоваться наиболее разрушительными возможностями для такого разрешения. Отсюда – и «обострение по мере продвижения»...

И сейчас мы в принципе находимся на подобной развилке. С более высоким уровнем технологий, с более продвинутыми средствами как для драматического, так и для более-менее бесконфликтного разрешения нарастающих противоречий. И снова (хотя много позитивного, справедливости ради, предложено наиболее мыслящей частью человечества!) мы глобально отстаем в нооразвитии, «недомысливаем», не можем никак увериться, что открытые нами коды культурного осознания общечеловеческих ценностей (не связанных с принципами зооповедения) есть истина – и истинный путь развития.

Если мы сумеем эту ситуацию преодолеть (всем миром, и только так!) в обозримой исторической перспективе, то у нас открывается дорога к более-менее бесконфликтному дальнейшему развитию по пути к новому индустриальному обществу следующего поколения. И хотя пока, на ранних этапах, оно тоже будет экономическим, но оно будет подвержено все-таки иным, в иных критериях определенным стратегическим задачам, именно этим задачам будет подчинено его развитие; там будет из этого исходящая некая координация действий людей, решений людей, решений в части экономики (точнее, постепенно – в части удовлетворения потребностей, а уже не столько даже экономики). Это будет экономика, постепенно переходящая к чистому удовлетворению потребностей. И там будет другая жизнь, другое отношение к ценностям – в частности, ценности человеческой жизни будут стоять выше, чем ценности экономические.

Здесь я отвлекусь, приведу небольшой пример в части, касающейся «взаимоотношения» этих всех ценностей, одних и других, экономических и социальных. Вот мы говорим сейчас о нашей стране, что мы сейчас – социальное государство и строим такую некую структуру общественных отношений, направлен-

ную на человека. Человек – это высшая ценность. В поправку конституционную кое-что в этой части даже вносим. Замечательная мысль, правильная мысль, это хорошо, и надо человека развивать, как мы уже говорили, в том числе его культуру, его сознание, его осознание себя, как человека, и прочее. Но – понятно, что это надо развивать (и правильно об этом наше правительство говорит!) на базе хорошего материального достатка. Китай тоже строит общество средней зажиточности. И очень правильно делает. И здесь нет никакого противоречия между объявленными им стратегическими «коммунистическими» идеологическими целями и избранной тактикой и современными «капиталистическими» экономическими инструментами. Почему? Потому что – правильно, сначала «зажиточное среднее», то есть практически сначала все станут «среднезажиточными», имеющими «достаточный достаток», то есть сначала люди получают удовлетворение своих базовых потребностей, тех, которые – разумные и не совсем даже минимальные, а потом только нужно говорить о том, что человек, насытив брюхо, подумает о духе. То есть – только через удовлетворение достаточных базовых потребностей людей путем технологического прогресса и с использованием самых мощных имеющихся в распоряжении (в сегодняшнем!) мире экономических инструментов, плюс с «подтягиванием «остального» мира – совершить переход к решению стратегической задачи формирования новых общественных отношений. И тогда можно будет заниматься не так, как было у нас в Советском Союзе, где мы воспитывали «нового человека», человека-коммуниста, призывали к духовному развитию и строительству коммунистического общества, но при этом не давали ему туалетной бумаги, условно говоря, или мандарины надо было дать на новый год отдельному партийному работнику – килограмм, остальным всем душить в очереди и ничего не получить.

Это бесперспективно – «на пустое брюхо – никакого духа», в этом плане должно было быть именно такое развитие: сначала накормить, удовлетворить базовые потребности населения, отвлечь его от постоянного опасения материальных проблем, приучить его жить в парадигме достатка, а затем, на этой базе, постепенно продвигать его духовное, нооразвитие. А пока такой задачи – строительства НИО.2 – не решим, надо пытаться хотя бы не со-

рваться всей цивилизацией в пучину глобальной катастрофы любого генезиса. Сейчас мы в России, как я бы в целом оценил (может быть, власти осознают это интуитивно, жизнь заставляет!) идем этим путем, показывая, что – да, поднимаем экономику России, чтобы накормить людей, чтобы убрать нищих, чтобы убрать голодных, чтобы они все стали достойными людьми, и с точки зрения достатка самодостаточными и так далее, и дальше, не затягивая, – думать о других вещах, в частности, об их образовании, воспитании, если на то пошло, о здоровье и качестве жизни, удовлетворении запросов духовных и культурных, воспитании в духе учета и понимания интересов друг друга и так далее.

АВБ. Это все хорошо, а теперь – реальная ситуация с коронавирусом в России. На днях буквально сначала сказано было, что главное – это человек, его здоровье, давайте – все по домам, будем сидеть и из дому выглядывать и тогда болеть не будем. Понятно, что это несет за собой некие экономические издержки, но было заявлено, да, это так, экономические издержки есть, но нам главное – это здоровье людей. Кто спорит? Отлично. Но вот проходит неделя, десять дней всех этих карантин, и становится понятно, что вообще здоровье людей – это замечательная вещь, но завтра люди могут умирать уже от голода, потому что не будет ничего произведено. Тогда возникает другой вопрос: у нас экономические есть проблемы, экономические вопросы, и мы должны учесть и эти наши вещи, нам необходимо быть экономически все-таки готовыми к дальнейшим проблемам. Поэтому – давайте назад, из карантина выходим и начинаем все работать, и сегодня об этом говорят, что сначала даем нерабочие дни, месяц с лишним, а потом говорим: нет, подождите, вы немножко побыли там, на самоизоляции, неделю-полторы, ситуация вроде лучше становится. Она на самом деле не лучше становится, она примерно такая, какая она есть, может, и сложнее даже, но надо выходить – оборонные предприятия, другие, безопасность которые обеспечивают, и прочие. И в результате у нас 75% населения ни на каком карантине не находится, а находится на заводах и фабриках и работает. Почему?

СДБ. Во всяком деле должен быть баланс. Сейчас нам надо найти баланс между одними потребностями общества – в экономическом нормальном состоянии, сохранении того самого дос-

татка людей, в недопущении резкого снижения качества их жизни, это одна потребность, и вторая потребность – в сохранении здоровья и жизни людей. То есть даже на карту, ясно, не ставится жизнь людей, именно конкретного человека, но в целом говорится о некоем балансе, и это так на самом деле, эта самая ситуация, она – везде в мире такая же. И когда мы будем говорить не о сегодняшней ситуации, а о том обществе, которое будет через многие десятки лет, мы должны понимать, что этот самый баланс должен будет все время сдвигаться в сторону повышения материального благосостояния людей – при сохранении их как людей.

Достижение этого баланса, его, я бы сказал, «постижение», является предтечей продвижения к этому обществу, а предпосылками такого перехода является развитие материального производства на новой технологической основе и развитие человека, способного быть его ноореципиентом. Отсюда – все наши идеи и требования индустриализации экономики, цифровизации, по внедрению технологий нового уклада, по инновационному развитию экономики России и материального производства и так далее. При непременном продвижении к социально более высокоорганизованному обществу и развитию личности.